

Знакомый до мельчайших складок диван. Телевизор на стене — тот самый, который он купил родителям на свой первый настоящий писательский гонорар. И холодильник в углу, купленный на те же деньги... Се Нань отчетливо помнил, как отец с матерью, долго ворчавшие из-за его «несерьезного» увлечения сочинительством, наконец сдались и благословили его на писательский труд, стоило этой новенькой белой машине занять свое место на кухне. Неужели это его дом?

«Неужели я действительно вернулся?»

Сердце забилося в безумном восторге.

— Да, я все поняла. Спасибо вам!

Отзвук этого родного, до боли знакомого голоса заставил Се Наня вздрогнуть. Он со всех ног бросился в родительскую спальню. На фоне окна и впрямь темнел силуэт женщины — его мамы. А на кровати лежал отец: глаза плотно закрыты, лицо осунувшееся, бледное, неживое.

Мать прижала ладонь к губам, сиюсь сдержать рыдания, но по ее щекам уже катились слезы. У Се Наня все перевернулось внутри от этой картины.

— Мама! Что с тобой? Пожалуйста, не плачь! Я здесь, я вернулся! Ваш сын дома!

— Господи, за какие грехи нам это наказание?.. — Мать, словно не замечая стоящего рядом сына, медленно подошла к постели, опустилась на край и сжала холодные пальцы мужа. — Только что из Полицейского управления звонили... Они весь коллектор обыскали, но его... его тела так и не нашли. А тут еще ты слег... Как мне жить дальше? Как мне теперь выживать без вас?..

Родители его не видели. Не слышали. Осознание этого обухом ударило по голове, и Се Нань разрыдался. Рухнув на колени, он пополз к кровати, отчаянно пытаясь ухватиться за их руки, закричать, что он жив, что он здесь, совсем рядом! Но он хватал лишь пустоту, а крик застревал в горле хриплым стоном.

«Что мне делать? Господи, что же мне делать?..»

— Отец... Мама... — тихий, измученный шепот нарушил ночную тишину спальни.

Лу Шэн открыл глаза и при тусклом свете луны повернулся к лежащему рядом юноше. Се Нань метался в лихорадочном бреду, по его вискам непрерывно струились слезы, а с губ срывался один и тот же жалобный призыв к родителям.

— Тоскуешь по дому? — негромко спросил Лу Шэн, вглядываясь в темноту.

Разумеется, спящий, скованный кошмаром, ответить не мог.

Лу Шэн бесшумной тенью поднялся, смочил полотенце и бережно промокнул лицо юноши. Но стоило убрать влажную ткань, как из-под закрытых век побежали новые соленые дорожки. Он вытер их снова — и вновь безуспешно. Наконец Лу Шэн отложил полотенце и просто замер рядом, всматриваясь в осунувшееся лицо. Он коснулся пальцами виска Се Наня, ощутив ледяную, влажную прохладу его слез.

Этот парень действительно не имел ничего общего с Сяо Лушанем. И все же именно ему пришлось принять на себя все удары судьбы и расплачиваться за чужие грехи. Лу Шэн нахмурился. Где-то в глубине души он признавал, что совершил несправедливость, но... колесо уже завертелось. Семья Лу — богатейший клан во всей Цзяньнани. Даже если они кругом виноваты, господа никогда не признают своих ошибок перед безродным пришельцем. Гордость фамилии превыше всего.

— Прости, — едва слышно прошептал Лу Шэн в темноту.

Это было единственное утешение, которое он мог ему дать.

Утром в главном зале поместья Лу яблоку негде было упасть. Члены семьи и слуги выстроились ровными рядами в напряженном ожидании. Никто не посмел забыть вчерашнее распоряжение старой госпожи: сегодня на рассвете новоиспеченная Старшая молодая госпожа должна была поднести ей традиционный чай невестки.

Изнаненная плетью спина Се Наня отзывалась дикой болью при каждом движении, а его заставляли подняться ни свет ни заря ради бессмысленного ритуала. Если бы не крепкая рука Лу Шэна, поддерживавшая его под локоть, он рухнул бы на полпути к главному залу.

На мощеной дорожке Се Нань резко остановился. На нем было простое длинное платье приглушенно-синего цвета, которое лишь подчеркивало мертвенную бледность лица. Любой случайный прохожий проникся бы к нему жалостью, но Лу Шэн лишь крепче сжал его предплечье.

— Я не пойду, — упрямо выговорил Се Нань.

— Придется, — отрезал Лу Шэн. — Вчера матушка ясно дала понять, что ждет чая невестки. Ты обязан явиться.

— Я тебе не жена, а ей — не невестка. С какой стати мне преклонять перед ней колени?

— Ты!..

— Что? — Се Нань с вызовом посмотрел прямо в глаза Лу Шэну. — Снова хочешь применить

Семейное наказание Лу? Да валяй! Чем влачить такое существование, лучше прикончи меня сразу, избавь от мучений!

С этими словами он попытался вырваться из державших его рук.

— А ну угомонись! — Лу Шэн даже не подумал отпустить его, напротив, зажал юношу в железных тисках своих объятий. — Или ты больше не хочешь увидеть родителей?

Се Нань замер.

— Что ты сказал?

Лу Шэн смерил его холодным взглядом:

— Ночью ты бредил и звал отца с матерью. Раз они живы, неужели у тебя нет желания встретиться с ними? Хоть ты и вошел в наш дом как супруг, обычай позволяет навещать родных. Будешь вести себя благоразумно — я лично выделю время и отвезу тебя домой. И я говорю не о лачуге Сяо, а о твоём настоящем доме. О семье Се.

Се Нань пропустил последние слова мимо ушей. Перед глазами вновь возник ночной кошмар, пугающе осязаемый, живой. Что, если в той, прежней вселенной родители действительно сходят с ума от горя? Что, если они медленно угасают в слезах, оплакивая непутевого сына? Если так, то имеет ли он право малодушно искать смерти, бросая их на произвол судьбы? Нет. Чего бы это ни стоило, он обязан выжить. Выжить и найти дорогу назад.

«А единственный способ уцелеть в этом проклятом месте — принять правила игры. Стать супругом этого господина. Мужем-невесткой почтенного семейства Лу».

Се Нань посмотрел на Лу Шэна долгим, нечитаемым взглядом. Заметив, что бунтарь притих, молодой господин удовлетворенно кивнул:

— Ты парень с умом, сам понимаешь, где твоя выгода. Ладно, перед матушкой просто води себя тише воды, ниже травы.

Шедший следом слуга Гуйсэн обреченно вздохнул, наблюдая, как заботливо Старший молодой господин придерживает Старшую молодую госпожу за талию.

«Похоже, мне и впрямь придется звать этого мужика Старшей молодой госпожой...»

Немного успокоившись, Се Нань принялся разглядывать раскинувшуюся вокруг усадьбу. Масштаб и изысканность архитектуры поражали. Каждая деталь кричала о баснословном богатстве. Особенно удивлял их собственный Павильон у воды. По сути, этот деревянный терем

возвели над проточным прудом исключительно ради каприза — чтобы любоваться хрустальной чистотой бегущей воды. Тратить колоссальные средства на столь непрактичное сооружение могли лишь те, кто буквально купался в золоте.

Быстро отыскать путь домой явно не получится, а жить за счет подачек семейства Лу не позволяла гордость. Се Нань задумался: как заработать на жизнь самостоятельно? Из всех ремесел его привлекало лишь писательское дело. Неужели придется и здесь взяться за сочинительство?

При этой мысли он поймал себя на том, что до сих пор толком не понимает, в каком историческом периоде оказался. Кажется, на дворе стояла эпоха Китайской Республики, но какой именно год? Надо бы поскорее сориентироваться в местной прессе и навести справки.

Когда Лу Шэн завел Се Наня в главный зал, десятки людей устремили на них взгляды. Юноша невольно зажался от этого перекрестного огня любопытных и злых взглядов, однако Лу Шэн уверенно, не давая ему ходу назад, увлек его к центру зала, прямо к креслу старой госпожи Лу.

— Матушка, мы с супругом пришли поднести вам чай, — звучно произнес Лу Шэн, изящным движением подоткнул полы длинного халата и опустился на колени. Служанка тут же поднесла деревянный поднос с фарфоровыми чашками.

Се Нань без лишних пререканий преклонил колени рядом. Он надеялся, что все пройдет быстро и формально, но у судьбы были другие планы.

— Старшая невестка, ну кто же так подносит чай свекрови? — раздался жеманный голосок.

Из толпы родственников выступила молодая дама в изящном европейском платье.

— По правилам приличия нужно не просто опуститься на колени, а держать чашу обеими руками над головой и произнести: «Невестка подносит чай свекрови. Матушка, отведайте чаю».

Словно издеваясь, она приподняла подол платья и на своих новомодных каблуках изящно продемонстрировала весь ритуал.

— Вы ведь только переступили порог нашего дома, — сладко улыбнулась дама, вкладывая пиалу в онемевшие ладони Се Наня. — Поначалу будет трудно, но со временем привыкнете.

В зале воцарилась зловещая тишина. Все ждали. Даже Лу Шэн скосил на него строгий, предостерегающий взгляд.

Се Нань до боли стиснул зубы. Высоко подняв фарфоровую чашу над головой, он попытался выдавить нужные слова:

— Не... не...

Слова застревали в горле тяжелым комом. Се Нань ниже опустил голову, чувствуя, как взгляды присутствующих прожигают его насквозь, сочась презрением и насмешкой. Как ему, взрослому мужчине, переступить через себя и назвать себя «невесткой» перед этой праздной толпой?

— Невестка подносит чай свекрови! Матушка, пожалуйста, выпейте чай! — наконец глухо, сорванным голосом выговорил он, так что эхо разнеслось по всему залу.

Се Нань зажмурился.

«Если это цена за возвращение домой, я вытерплю все. Ради мамы и папы эта мимолетная унижительная комедия — сущая чепуха».

Старая госпожа Лу, получив желанную покорность, едва заметно улыбнулась. Она неспешно приняла подношение, сделала крошечный глоток и благосклонно кивнула. Ритуал свершился.

Се Нань мысленно перевел дух. Первая преграда была преодолена, но если даже Чай невестки потребовал столько сил и унижений, то сколько еще испытаний ждет его впереди? На миг его охватили сомнения в правильности выбранного пути, но отступить было поздно. Придется плыть по течению.

— Что ж, подымитесь, — величественно разрешила старая госпожа.

Оба послушно поднялись. Но израненное тело Се Наня после долгого стояния на коленях взбунтовалось: в глазах помутилось, и он покачнулся, едва не завалившись набок. Лу Шэн среагировал мгновенно, властно и надежно перехватив его за талию.

Старая госпожа Лу, сидевшая во главе стола, не упустила этот жест. В ее мудрых глазах промелькнула понимающая искра.

— Раз уж с делами покончено, прошу всех к столу, — ровным тоном произнесла старая госпожа. — Нечасто мы собираемся всей семьей. Помните: благополучие дома держится на согласии и взаимовыручке.

Молодое поколение послушно склонило головы в знак согласия.

При упоминании еды у Се Наня предательски заурчало в животе. Голод, дремавший до этого времени, проснулся с новой силой. Из парадного зала все дружно перешли в обеденный зал. Места старшей ветви рода располагались по правую руку от хозяйки дома, так что Се Нань занял стул по правую руку от Лу Шэна.

Стоило ему увидеть на огромном круглом столе блюда с пышущими жаром белоснежными баоцзы, как все посторонние мысли мгновенно улетучились. В голове настойчиво стучало лишь одно слово: «Еда». Последние несколько дней его рацион состоял из горьких отваров да пары жалких сухих галет. Будь он хрупкой барышней, а не взрослым мужчиной, давно бы уже слег без сил. Впрочем, и сейчас он держался на чистом упрямстве.

Толпа родственников и строгий этикет дома Лу заставили его сдерживать дикий порыв просто схватить баоцзы руками. Се Нань чинно дождался, пока старая госпожа произнесет заветное: «Приступайте», и лишь тогда потянулся палочками к тарелке. Пышный, размером с кулак пирожок исчез в его рту за два укуса. Несчастный был по-настоящему истощен.

Лу Шэн с удивлением наблюдал за этой молниеносной расправой над едой. Вспомнив слова лекаря об истощении своего «супруга», он все понял. Очевидно, парню знатно досталось за эти дни.

Се Нань проводил взглядом пустеющее блюдо. Он понимал, что его манеры сейчас оставляли желать лучшего, а родственники из других ветвей косились на него с неприкрытой брезгливостью, словно на голодранца, случайно попавшего на барский пир. Из гордости он заставил себя отложить палочки и не тянуться за добавкой.

Лу Шэн нахмурился. Он холодно окинул взглядом притихших братьев, демонстративно проигнорировав их нафуфыренных жен, затем решительно взял пиалу Се Наня. Своей рукой он выложил туда три самых крупных, исходящих паром баоцзы и пододвинул обратно.

— Ешь, — негромко, но властно произнес он.

У Се Наня защемило в носу. В этот момент он впервые почувствовал, что Лу Шэн действительно защищает его. Дрожащими пальцами он вцепился в фарфоровые края чаши, с трудом сдерживая подступившие слезы, и потянулся за следующим пирожком.

Лу Шэн замер с зажатыми в пальцах палочками. Ему показалось, что сквозь тихий стук посуды до него донеслось едва различимое:

— Спасибо...

Он повернулся к Се Наню, который сосредоточенно уткнулся в свою тарелку. В груди молодого господина шевельнулось непривычное, щемящее тепло. Он аккуратно налил в пиалу теплого соевого молока и поставил рядом с юношей.

— Запей, а то подавишься.

Родственники за столом переглядывались с явным недоумением, не зная, как реагировать на подобную заботу между двумя мужчинами. Но Лу Шэн держался настолько уверенно и

естественно, что любое недовольство увядало, так и не успев сорваться с чьих-либо губ.

Старая госпожа лишь удовлетворенно прищурилась.

— Ну вот и славно. Приятного аппетита.

— Приятного аппетита, матушка, — послушно отозвался хор голосов.

Когда с завтраком было покончено, братья со своими семьями разошлись по своим покоям, а Лу Шэн повел Се Наня обратно в Павильон у воды.

Оказавшись под защитой стен родного терема, Се Нань наконец позволил себе расслабиться. И тут же за это поплатился: утихшая было боль в израненной спине вспыхнула с новой, ошеломляющей силой. Не обращая внимания на Лу Шэна, он нетвердой походкой доковылял до постели и со стоном опустился на нее ничком.

Глядя на его жалкий вид, Лу Шэн понял, что силы бедолаги на исходе.

«Надо бы заглянуть в лавку снадобий после дел и купить хорошего женьшеня для поддержки сил».

Конечно, в кладовых поместья хранились запасы целебных корней, но лучшие экземпляры караулила матушка, а оставшиеся давно растащили жены младших братьев. Самому Лу Шэну, обладавшему отменным здоровьем, подобные лекарства никогда не требовались. Но теперь в его покоях появился тот, кто отчаянно нуждался в заботе.

— Ты разве еще не уходишь? — глухо раздалось с подушек.

— Что? — Лу Шэн удивился.

Се Нань с трудом перевернулся на бок и приподнялся на локте:

— Ваша семья владеет огромным делом. Ты — старший сын, наследник. Не можешь же ты целыми днями просиживать дома без дела. Тебе разве не пора на службу?

Лу Шэн усмехнулся про себя, отметив проницательность юноши.

— Твоя правда. Мне действительно нужно отлучиться. Собираюсь навеститься в наш Магазин одежды семьи Лу — там как раз выставили новейшие столичные фасоны. Хочешь, привезу тебе что-нибудь примерить?

Се Нань лишь покачал головой:

— Иди уже. Я взрослый мужчина, к чему мне эти наряды?

Лу Шэн мысленно согласился. Он уже собирался спросить, не нужно ли достать чего-нибудь еще — изысканных лакомств, книг или каких-нибудь безделушек, чтобы скрасить досуг, но Се Нань упредил его вялым взмахом руки:

— Ступай. Мне нужно поспать, а пока ты маячишь перед глазами, я не смогу сомкнуть век.

Молодой господин так и застыл. Какая черная неблагодарность! Он тут, понимаешь, ломает голову, как облегчить его участь, а этот несносный мальчишка просто выставляет его за дверь.

Смерив строптивца ледяным взглядом, Лу Шэн резко развернулся, подхватил свой кожаный портфель и без единого слова покинул спальню, с силой захлопнув резную дверь.

«Сначала сам вешался мне на шею, а теперь строит из себя недотрогу! Да кто он вообще такой, чтобы так задирать нос перед наследником рода Лу?!»

От злости лицо его позеленело, а он сжимал кулаки так, что белели костяшки пальцев.

В гараже семьи Лу стояло несколько роскошных европейских автомобилей. Обычно на деловые встречи Лу Шэн отправлялся в сопровождении личного шофера и верного слуги Гуйсэна. Тот, уловив гневное бурчание хозяина, поспешил подлить масла в огонь:

— И то правда, молодой господин! Да кто он такой? Стоит ли тратить свои нервы на безродного выскочку? Вот вернется мисс Тун, и вы мигом выставите этого наглеца прочь из Поместья Лу!

Лу Шэн резко замер как вкопанный. Он впился пальцами в ладони с такой силой, что ногти едва не пронзили кожу. Гуйсэн тут же похолодел, осознав, что сболтнул лишнего, и испуганно уставился на горящие яростью глаза господина.

— М-молодой господин... Простите дурака! Я не должен был поминать мисс Тун, я... я просто...

— Нет, — глухо отозвался Лу Шэн, устремив взгляд в пустоту. — Ты все правильно сказал. Совершенно правильно. Да кто он такой? Всего лишь мужчина... Какой-то нелепый, навязанный мне парень!

Гуйсэн сжался в комок, не понимая, что творится в душе господина, но решив для себя отныне держать язык за зубами. В последнее время характер молодого хозяина стал совершенно непредсказуемым.

Лишь сам Лу Шэн понимал, какая буря бушует у него внутри после простых слов слуги. Слова Гуйсэна открыли ему страшную истину: подсознательно он пытался заменить Се Нанем свою возлюбленную Тун Цзяо. Он поставил безвестного юношу, которого знал чуть больше суток, на одну чашу весов с женщиной, которую преданно любил целых десять лет!

«Это безумие. Этого просто не может быть! Да что со мной происходит?..»

<http://bllate.org/book/20305/2130983>